

С. Б. Никонова¹

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ МЫШЛЕНИИ

Эсхатологические настроения свойственны исторической природе человека. Было мало времен, которые их современники не находили бы последними, наиболее падшими, безнадежно отдалившимися от истины, зараженными полным моральным разложением и возмущающими скорый конец мира. Само существование мифа о «золотом веке» говорит об этом: блаженное состояние жизни отодвинуто в стародавние времена, ступени ее развития свидетельствуют о нарастающей порче. Деятельность религиозных пророков, грозящих Божьей карой погрязшим во грехе людям, в еще большей мере свидетельствует о кризисном характере восприятия людьми своей жизни. Возможно, эта общность настроения усиливается еще и тем, что пробуждение рефлексии, а с ним и философского осмысления своего места в мире часто провоцируется нестабильным состоянием дел: крахом традиций, смятением умов, попытками дать какой-то новый ответ на очередной «вызов истории». Кроме того, хотя эти настроения в умах людей часто сопутствуют и культурным расцветам, существовавшие доселе цивилизации, мощные и структурно организованные образования человеческого мира, уже не раз приходили к кризису и полному уничтожению.

Бывали и светлые времена. Прекрасный порыв ранней Античности или вдохновенное утверждение разума в эпоху Просвещения, несмотря на внутренний критический настрой, могут быть отнесены к таковым. По крайней мере, что-то в их новизне и достижениях давало им радостное ощущение надежды на возможность для человека прорваться к лучшему состоянию.

В современном мире ощущение кризиса нарастало постепенно, незаметно сменяя радость Просвещения и становясь другой ее стороной. В конце концов к настоящему моменту он определенно стал темой, так или иначе сопровождающей все размышления о современности. Однако, в отличие от всех предшествующих, современный кризис цивилизации несет в себе нечто особенное, а именно нечто удивительно универсальное, всемирное. Кажется, речь идет уже не о кризисе одной из возможных цивилизаций, которая могла бы смениться новой, но о кризисе человеческой цивилизации в глобальном смысле. И кроме того, эта глобальность охвата порождает и другое ощущение: этот кризис не кажется завершением, но скорее перманентным разложением, невозможностью выпутаться из внутреннего противоречия, увязанием в перманентном конфликте без надежды на какое-либо продвижение вперед или назад.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук, член Ученого совета СПбГУП. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление» (монография), коллективных монографий «Экологическая эстетика: проблемы и границы», «Концептуализация Homo Aestheticus. История и рефлексия», учебного пособия «Сравнительная культурология. Теоретическое введение» и др.

Глобальный характер кризиса, о котором непременно заходит речь при характеристике современной культуры, безусловно, не может быть не связан с самим процессом глобализации. И потому, чтобы разобраться в том, что же представляет собой это кризисное умонастроение, нужно смотреть на истоки глобализации. А причиной глобализации мира как социально-экономического пространства стала произошедшая в течение нескольких последних столетий экспансивная политика *одной* из цивилизаций, а именно западной, в отношении всего мира. Причем процесс оказался обоюдным, или, скорее, можно сказать, что экспансивность Запада состояла в умении развернуть дела в мире так, что перед другими цивилизациями встал выбор: либо принять западный стандарт жизни, либо быть выброшенными за борт всемирной истории. Именно в западном сознании нашелся тот странный элемент, который позволил разрозненную множественность вспышек культурного развития свести в одну всемирно-историческую линию.

Таким образом, мы можем констатировать несколько фактов относительно кризиса. Мысли о кризисе современной цивилизации есть мысли о кризисе мировой цивилизации, глобализированной по западному образцу. Так, мысли о кризисе цивилизации есть в первую очередь мысли о кризисе западной цивилизации. И кроме того, мысли о кризисе западной цивилизации есть мысли преимущественно самой западной цивилизации.

Если другие цивилизации в ходе этого мыслительного процесса заявляют о своем противостоянии Западу и способности к преодолению кризиса, то это опять же является следствием и отражением мыслей о них и их роли, свойственным западной цивилизации. Поскольку ни одна цивилизация до сих пор не имела глобального характера, ни одна из них не имела и опыта предотвращения глобального кризиса. Единственным способом предотвращения глобального кризиса было бы «невыхожение» на глобальный уровень. Но оно уже произошло, и сделал это Запад. Он же подарил всем остальным культурам и цивилизациям и способность сознания своей самобытности в этом глобальном мире. Таким образом и само сознание самобытности есть плод глобализации и влияния Запада.

Итак, с одной стороны, чтобы понять, в чем состоит современный кризис цивилизации, надо понять специфику именно западной цивилизации и то, что в ней подталкивает к кризису. С другой стороны, мы видим, что поскольку кризис фиксируется исключительно в ее собственных терминах, осознание этого кризиса является ее собственным критическим актом. Кризис не есть упадок и крах, но в первую очередь — плод *критики*. Саморефлексивность делает сознание критически настроенным по отношению к самому себе, и это порождает ощущение кризиса.

Критическое мышление ставит мыслящего в соотношение с «другим», с иным, задает себе определенность и границы. Именно этот акт мы обнаруживаем в структуре европейского мировоззрения в тот самый момент, когда западная цивилизация начинает свое экспансивное распространение по всему миру, в ходе которого тщательное исследование других культур возникает как продолжение и другая сторона активной колониальной политики. Ни одна культура не обладала такой силой критической рефлексии по отношению к себе, и потому ни одна не смогла создать всемирно-исторической картины глобального мира, соединяющего множество самобытных, обладающих историей, различием и единством традиций.

Таким образом, критика — это встроенная черта западного мышления, делающая его внутренне противоречивым и вводящая в состояния перманентного кризиса и самоотрицания. В то же время это та черта, которая позволяет ему выйти на метауровень глобальности и подчинить себе весь мир, устранив любое сопротивление.

Эти две черты — самокритика (а с ней и предоставление другим права на отличие) и экспансия (устранение права на отличие, подчинение своей модели) — противоречат друг другу. Это противоречие носит взрывной характер по отношению ко всем глобальным процессам. Оно вносит раздвоенность в любые утверждаемые современным миром ценности.

Мы желаем одновременно самобытности культуры — и совершенствования механизмов их взаимопонимания; требуем признания права на различие — и развития способности к диалогу; настаиваем на гуманизме, толерантности, исключаем право на насилие — и одновременно на невмешательстве, невозможности подвести всех под один стандарт. Это противоречивые требования. Гуманизм, терпимость, диалог, запрет на насилие — это ценности, рожденные рационально-критическим западным мышлением. Это *его* ценности. Если мы признаем право на отличие и самобытность, мы должны автоматически признать право на то, чтобы не соответствовать этим ценностям, обладать *своими* ценностями. Это представляется немислимым и должным к пресечению, что порождает конфликты, насилие, взаимную ненависть, террор и войны. Но проблема состоит в том, что признание права на отличие — это *тоже* одна из ценностей, рожденных рационально-критическим западным мышлением. Потому мы и требуем сразу и одного, и другого. В таком случае можно предположить, что, по сути дела, террористы, осуществляя свои ужасные акты, мстят западной цивилизации не за то, что она поработила их или навязала

свое экономико-политическое господство, но за то, что она поставила их в парадоксальную ситуацию ценностного конфликта, где они должны подчиниться именно в том, в чем, по их мнению, не должны подчиняться и должны быть свободными. Они должны быть сами собой по чужой указке — и они мстят за навязанную самобытность катастрофическим проявлением этой самой свободы.

Итак, как мы видели, высказываемые требования к межкультурному общению, как бы они ни были желанны, противоречат друг другу. Но эти противоречивые требования произрастают из недр одной и той же структуры мышления, одной и той же культуры. В таком случае, возможно, самая большая опасность заключается в том, чтобы воспринимать их именно как *противостоящие* и настаивать на конфликте между этими требованиями, как будто они высказываются противоположными сторонами, например одни — западной цивилизацией, другие — народами, подвергающимися экспансивному вторжению Запада. Это путь к противостоянию и конфликту. А единственный выход был бы именно в том, чтобы признать их двумя проявлениями одного типа мышления и также признать внутреннюю противоречивость сложившейся ситуации как ее встроенное свойство, структурную характеристику.

То есть выход из кризиса, порожденного критикой, можно было бы найти лишь в продолжении критического акта, усложнении его путей и углублении теоретического анализа. Этот акт признания соединенности противоречивых ценностей, производящий деконструкцию структуры западного мышления, в то же время являлся бы признанием его *собственной* самобытности, что избавило бы его, наконец, от расплывающегося до бесконечности глобализма. А это, в свою очередь, освободило бы место для подлинного различия с другими. По словам американского философа Ричарда Рорти: «Если бы мы забыли о просветительском идеале самореализации человечества в целом, мы смогли бы отделить свободу и равенство от братства»¹. Принципы свободы и равенства уже в достаточной мере распространились по миру, принеся с собой небывалые по своей интенсивности формы порабощения и социального расслоения. Возможно, именно *братство*, подразумевающее, в отличие от других форм любви, также и некоторое количество того, что может показаться *безразличием* друг к другу — позволения друг другу делать нечто, совершенно не интересуясь и не вникая, что именно, позволения друг другу быть самостоятельными и независимыми, — есть то, чего не хватает современному миру.

¹ Rorty R. On Ethnocentrism: A Reply to Clifford Geertz // Michigan Quarterly Review. Vol. XXV, № 3. 1986. Summer. P. 533.